

УДК 342:329(470 + 571)

Гринь Максим Валентинович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Кубанского государственного
аграрного университета имени И.Т. Трубилина

**ЛИБЕРАЛЬНЫЙ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВА
ИДЕОЛОГИИ ЕЛЬЦИНСКОЙ РОССИИ
(АНАЛИЗ ПОСЛАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА
РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ)**

Аннотация:

В статье рассматривается политико-идеологический аспект развития постперестроечной России периода президентства Б. Ельцина. Этому периоду считается присущей наибольшая деидеологизированность. Вместе с тем автор считает, что в 1990-е гг. имела место не столько деидеологизация, сколько коренная переориентация официальной государственной идеологии с коммунистических на западные идеологии в форме либерального конституционализма. В качестве обобщенного «образа врага» в этот период выступал не внешний, но внутренний объект (антидемократическая оппозиция). Главной проблемной чертой государственной российской идеологии 1990-х гг. являлся сильный отрыв от практики и уклон в популизм, что в целом вело к увеличению дистанции между правящими группами и остальным населением, снижению авторитета верховной власти.

Ключевые слова:

государственная идеология, послания президента, либеральный конституционализм, либерализм, демократия, антидемократическая оппозиция, популизм, Б. Ельцин.

Grin Maxim Valentinovich

PhD in Law,
Assistant Professor,
Criminal Law Department,
Kuban State University of Agriculture

**LIBERAL CONSTITUTIONALISM
AS A BASIS OF IDEOLOGY OF
YELTSIN RUSSIA (ANALYSIS OF
PRESIDENTIAL MESSAGES
TO THE FEDERAL ASSEMBLY)**

Summary:

The article considers the political ideological aspect of post-perestroika Russia development during Yeltsin's presidency. This period is considered to be the most de-ideologized. However, the author believes that in 1990-s there was not so much de-ideologization, as radical reorientation of the official state ideology from communist ideology to the Western one in the form of liberal constitutionalism. During this period the generalized "enemy image" was not an external object, but an internal one (anti-democratic opposition). The main problematic features of the Russian state ideology of the 1990-s had been a strong detachment from the practice and the inclination to populism, which in general led to increasing distance between the ruling groups and the rest of the population, the decline in the prestige of the supreme power.

Keywords:

state ideology, messages of the President, liberal constitutionalism, liberalism, democracy, anti-democratic opposition, populism, Boris Yeltsin.

Проблемы первого постсоветского десятилетия будут привлекать внимание многих представителей общественности еще достаточно долгое время. В чем же причина столь неудачного характера системных преобразований, которые, с одной стороны, были давно ожидаемы обществом, с другой – проводились «сверху», а стало быть, не должны были сопровождаться негативными явлениями, присущими радикальным формам социальных изменений. Ряд исследователей указывают на то, что причина столь долгого пробуксовывания рыночных реформ заключалась в глубинных пластах, связанных с отторжением национальной культурной традицией идеологии проводимых преобразований [1]. На наш взгляд, это вполне обоснованная и здравая позиция. В связи с этим имеет смысл рассмотреть идеологию периода правления президента Б. Ельцина несколько подробнее. В силу того что в это время в политическом дискурсе было заметно влияние тезиса о деидеологизации, предложенного западными учеными еще в 60–70-х гг. XX в. [2, с. 15], концепт «государственная идеология» применялся редко. Однако это вовсе не говорит о полном ее отсутствии.

Итак, временной отрезок 1992–1999 гг. характеризовали все черты переходного периода, поскольку именно тогда проходила наиболее острая стадия постсоветских трансформаций. Во многом государственная идеологическая политика, суть которой выражена в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию, стремилась придать более легитимный характер проводимым преобразованиям, подчеркивая их жизненную необходимость и неизбежность. Так как масштабные системные реформы носили очевидный прозападный смысл, это в целом нашло отражение и в содержании государственной идеологии. В указанных документах ощущается определенное научное влияние известных обществоведческих теорий человеческого капитала, постиндустриального общества.

Одной из главных и наиболее заметных черт идеологической риторики правительственных кругов ельцинского периода являлся *антисоветизм*. За счет абсолютизации пороков советской

системы объяснялся радикализм и «болезненный» характер реформ, с одной стороны, а с другой – в более отчетливом виде представлялись те немногие достижения нового режима. В начале Послания 1994 г. утверждается: «Два года назад мы начали болезненное, но в конечном счете необходимое и целительное реформирование экономики. С огромным трудом мы отошли от края экономической пропасти, в которую неотвратимо сталкивала нас прежняя система, и начали медленное, не всегда уверенное движение к выздоровлению» [3]. Спустя пять лет в президентском Послании 1999 г., когда страна переживала последствия дефолта 1998 г., также делалась попытка привязать экономический кризис к советскому прошлому. Констатировалось, что падение производства, сырьевая ориентация отечественной экономики обусловлены не либерализацией, приватизацией и открытостью внешней торговли, но прежде всего наследством плановой экономики, уводящей страну все дальше и дальше от основного пути развития мирового сообщества [4].

Тезис о тяжелом наследии предшествующей системы периодически проводится авторами посланий 1990-х гг. через все содержание документа. Издержками советского тоталитарного режима объясняется ряд отдельных частных проблем, таких как экологическая проблематика, идеологический диктат в сфере культуры и образования, необходимость преодоления репрессивной национальной политики, связанной с насильственным переселением отдельных народов. При этом на фоне идеологического контраста подчеркиваются либерально-демократические достижения уже постсоветской политики – конституционализм, политическая демократия, экономическая свобода, создание потребительского рынка, интеграция в мировую хозяйственную систему.

Как представляется, за счет демонизации советского периода разработчики посланий стремились сформировать дуалистическое представление о недавнем нахождении России в точке бифуркации, предполагающей выбор из двух совершенно разных в ценностном плане вариантов. Так, в 1994 г. речь шла либо о безоглядной политической конфронтации, распаде государства, человеческих трагедиях, либо о созидательном согласии, осознании общей цели, укреплении Российского государства на благо его граждан; в 1999 г. – о том, что страна либо все же «вырастет» из своего тоталитарного прошлого через длительный процесс формирования гражданского общества и правового государства, либо повернет назад – «к реставрации диктатуры одной партии и всевластию Советов».

Тем самым в Посланиях Президента РФ 1990-х гг. активно проводится тезис об однозначно правильно выбранном пути развития, которому не было каких-то иных альтернатив. Отступление от выбранной стратегии «поставит страну на грань катастрофы», и никакого «попятного движения не будет». Болезненность реформ – результат в первую очередь тяжелого советского наследия, во вторую – противодействия противников демократии, в третью – допущенных ошибок по ходу осуществления преобразований.

Прозападный характер российской идеологии ельцинского периода сильнее всего чувствуется при освещении вопросов внутриполитического устройства. Здесь очевиден упор на конституционализм, демократизацию, открытость власти. При этом в Послании 1994 г. даже сделана попытка придать внеидеологический характер структурным принципам государственной власти посредством замечаний о том, что бесплодные споры о преимуществах тех или иных «измов» часто становятся символами противостояния. В то же время «государство не может строиться на идеях, вызывающих раскол и поляризацию общества. В его основе должны лежать естественные ценности и понятия, обращенные ко всему народу и каждому человеку в отдельности. Такие, как безопасность, свобода, благосостояние, солидарность» [5].

При всем при этом декларируемые принципы государственного правления и устройства имеют очевидный уклон в *либеральный конституционализм*. В качестве центральных понятий, имеющих ценностный смысл, выступают Конституция, демократия, федерализм. В содержании посланий в качестве некой обобщающей категории, приближенной к конечной цели, выступает демократия. Именно ее универсальность и весомость отстаивают разработчики названных официальных документов, фактически ведя на их страницах идеологическую полемику. Подчеркивается, что противники демократии формируют искаженный ее образ как слабой, аморфной власти, отстаивающей корпоративные интересы, а не интересы социального большинства, не способной навести порядок. Но это есть опасное заблуждение. «Люди, наоборот, должны обрести уверенность в том, что только демократическое государство способно обеспечить их безопасность» [6].

На то, что именно демократия выступает центральным принципом, целью, ценностью, указывает подчеркнутое в текстах Послания намерение укрепления государственной власти, которая может понадобиться для отстаивания демократических завоеваний. Констатируется наличие жесткой антидемократической оппозиции, попыткам которой официальная государственная власть присваивает себе право противостоять фактически любыми методами.

Либеральные принципы очевидно господствуют в сфере проблематики межнациональных отношений, где в качестве приоритетных выдвигаются задачи сохранения этнического разнообразия, предотвращения межнациональных конфликтов, разнообразных форм национально-культурной автономии для любых, даже самых малых этнических групп. Наконец, объявляется равенство прав и свобод всех граждан вне зависимости от национальности, а также то, что «ни одна этническая группа не может обладать исключительным правом контроля над территорией, институтами власти и ресурсами» [7].

Идея сильного государства является одним из центральных понятий и в то же время особенностью официальной российской политической риторики 1990-х гг. Это в какой-то степени идет вразрез с положениями либерального конституционализма, который предполагал не расширение, а, наоборот, сокращение государственного вмешательства. В посланиях президента сильное государство, с одной стороны, – «основа продолжения реформы, преодоления кризиса, налаживания структурной перестройки экономики, создания условий для ее стабилизации и подъема» [8], с другой – главный фактор утверждения демократической политической системы, федерализма и гражданского общества, с третьей – «социальное государство», берет на себя функцию сглаживания социально-экономических последствий реформ, наконец, с четвертой – источник поддержки культуры, науки, образования, установления диалога с различными религиями и конфессиями.

В то же время нельзя не отметить наличие в тексте посланий ряда некоторых расплывчатых тезисов.

Нетрудно заметить и классовый смысл в президентских посланиях, причем некоторые положения носят более очевидный, тогда как другие – скорее скрытый классовый характер. К первым следует причислить указание на то обстоятельство, что «тотальный пересмотр итогов приватизации неразрывно связан с пересмотром основных конституционных положений» [9]. В менее явной форме, но все же заметно отстаивание классовых интересов в призывах к стабильности, антиреволюционности, соблюдению положений Конституции.

В посланиях ельцинского периода вопросы внешней политики не являются особо приоритетными, хотя и не игнорируются совсем. Особенно это касается документа 1994 г., где в отношении принципов международных отношений российская власть обнаруживает все тот же либеральный уклон. Центральной идеей здесь выступает категория многополярного мира. Особое внимание вызывает то, что многополярность объявляется не целью, а реальным положением дел, в рамках которого Россия несет особую ответственность за поддержание стабильности. Подчеркивается, что глобальная конфронтация ушла в прошлое, а у России впервые за многие годы нет военных противников. Ключевой характеристикой в международных отношениях России становится партнерство, открывающее благоприятные возможности для более эффективной реализации национальных интересов в области безопасности, экономики, торговли, бизнеса.

Вместе с тем в тексте Послания все же в неявной форме просматривается претензия России на статус регионального лидера. С одной стороны, декларируется отказ от имперских амбиций, с другой – утверждается, что Россия никак не может самоустраниться от проблем, возникающих на территории бывшего Союза, целиком и полностью, и прежде всего это касается миротворческой функции.

Россия вступила в основные международные экономические организации. Следующий шаг – активное налаживание содержательного и продуктивного взаимодействия с ними.

В течение ельцинского периода в официальной государственной идеологии России при сохранении общей либерально-западной ориентации просматривалась определенная содержательная динамика. По всей видимости, это следует объяснять совокупным воздействием внешних и внутренних процессов, а также некоторым избавлением российских лидеров от либеральной эйфории первых постсоветских лет.

Во-первых, следует отметить некоторое усиление почвеннических элементов в содержании Послания 1999 г. Так, в качестве способа достижения главной цели – реального и устойчивого роста уровня жизни россиян – объявляется «создание демократического общества, динамично развивающегося на основе эффективной современной рыночной экономики, высоких технологий, сохраняющего лучшие традиции российской истории, великое культурное наследие и духовные ценности нашей страны» [10]. Также одной из основных сформулированных в Заключении Послания задач объявляется поднятие национального духа, упавшего после глубоких реформ. В этом плане неслучайной представляется ссылка на известного российского почвенника А.И. Солженицына, утверждающего главной национальной задачей «сбережение» народа [11].

Во-вторых, ельцинское руководство стало демонстрировать явно более взвешенный и трезвый взгляд в отношении международных отношений. Сохраняя статус миротворческого регулятора на территории СНГ и отстаивая идею многополярности, Россия заявляет о неприятии

расширения НАТО на Восток в связи с тем, что это идет вразрез с ее геополитическими интересами. Подчеркивается особая позиция России в отношении Югославского кризиса, который оказался разрешенным исключительно по западному сценарию. Однако общий настрой на сотрудничество с западными странами остается приоритетной линией, а трагическая ошибка руководства США в косовском вопросе «не должна обернуться затяжным кризисом в российско-американском партнерстве» [12]. В то же время не менее приоритетным направлением российской международной политики объявляется Азиатский вектор.

В-третьих, в последнем ельцинском Послании демонстрируется более сдержанное отношение к отдельным либеральным постулатам. Прежде всего речь идет о взаимодействии федерального центра с регионами. Ввиду того что последними в ряде случаев проявлялся «мягкий сепаратизм», утверждается необходимость укрепления вертикали исполнительной власти. Как известно, это фактически сразу же начал осуществлять следующий президент России.

В-четвертых, более конкретизированные очертания получила идейно-политическая оппозиция центральной власти. Если в первых ельцинских посланиях она определялась более расплывчато – как противники демократии, то в документе 1999 г. это прежде всего левые партии и движения, которые в случае своей политической победы начнут откат к командной экономике, установят партийную диктатуру, сведя на нет все демократические завоевания.

Неслучайно в Послании 1999 г. акцент на успехах демократического строительства еще более усиливается в сравнении с ранними идеологическими документами аналогичного назначения. В Заключении документа констатируется: «XX век еще раз показал безграничные возможности нашей страны. Мы сумели уйти от тоталитарного прошлого, доказали, что умеем переносить трудности переходного периода и выживать в условиях глубочайшего кризиса. Но цену за все это заплатил народ». Отсюда лимит испытаний исчерпан, и формула российского движения в новом столетии – «жизнь без социальных потрясений и революционных экспериментов» [13].

В-пятых, усиление самокритичной риторики власти. В 1994 г. проблемы реформ практически целиком связывались с тяжелым наследством советской системы, толкавшей страну к полной катастрофе, а также происками внутренней оппозиции. В Послании 1999 г., наряду с этими «традиционными» виновниками, ельцинское руководство частично признало и недостатки собственного политического лагеря – произвол и коррупцию чиновников, работу депутатского корпуса главным образом на свой рейтинг. Наконец, неявным образом о негативных тенденциях в верхах прозвучало в тезисе о необходимости укрепления государственного аппарата через повышение общественного доверия, а также в идее проекта Кодекса Российской Федерации о государственной гражданской службе, который должен стать настоящим кодексом поведения «человека власти» [14].

Подводя итоги анализа ряда Посланий Президента РФ Федеральному Собранию, считаем возможным предложить следующие заключения относительно официальной государственной идеологии России в 1990-е гг.:

1. Политико-философской основой государственной идеологии ельцинской России следует считать либерализм западного типа, или, точнее, *либеральный конституционализм*. Именно его принципы являются безусловно доминирующими в рассмотренных идеологических документах, несмотря на то что к концу ельцинского периода наблюдается некоторое усиление и почвеннических элементов. В то же время следует отметить, что наиболее тотальное влияние либерального конституционализма прослеживается в вопросах экономики, политики, а именно в вопросах государственного правления, правовой системы, международных отношений, наконец, в области международных отношений. Несколько более ограниченное участие либеральные принципы проявляют в культуре, где ставится проблема, имеющая по сути дела консервативное звучание, о необходимости устойчивых нравственных ориентиров и недопустимости коммерциализации культуры.

В то же время разработчики официальной идеологии России 1990-х гг. проявляли внимание к некоторым популярным научным теориям. В частности, в идеях о безопасности личности, приоритете вопросов демографии, здравоохранения, нового качества образования ощущается влияние теории человеческого капитала. Часто встречающиеся на страницах президентских посланий тезисы о необходимости технологического перевооружения экономики, ее конкурентоспособности свидетельствуют о воздействии постиндустриальных концепций. Наконец, идеи об информационной открытости власти, роли СМИ в становлении гражданского общества складывались под влиянием разработок информационного общества. Ельцинское руководство объявляло вслед за большинством стран «девизом века» конкурентоспособность и интеграцию в мировые процессы.

2. В качестве обобщенного «образа врага», который, согласно К. Шмитту, играет значительную роль в национальной консолидации, а стало быть, выполняет функции идеологического конструирования, в российских условиях периода президентства Б. Ельцина выступал не внешний, но внутренний объект. Как представляется, в качестве такового выступала антидемократическая оппозиция, которой на страницах президентских посланий придавались демонические черты. Именно

противники демократии, стремясь к тоталитарной реставрации, вели страну к расколу и гражданской войне, что означало национальную катастрофу. Они представляли главную угрозу «общественному согласию во имя благополучия и процветания». При этом все внешние страны, в том числе и бывшие противники в холодной войне, объявлялись равноправными партнерами. Подобная тенденция пронизывает все послания ельцинского периода, и даже Послание 1999 г., которому присущ более взвешенный анализ внешней обстановки, все так же склонно определять ее в понятиях партнерства. Это касается даже естественных геополитических соперников (США, НАТО и пр.).

3. Несомненной чертой официальной российской идеологии 1990-х гг. являлся ее сильный отрыв от практики. В ней чувствуется существенный уклон в популизм. Множество положений, содержащихся в рассмотренных идеологических документах, носят явно декларативный характер, как то: приоритет человеческой личности, опора на отечественного производителя и на малый и средний бизнес, сохранение национально-культурного достояния и ряд других весьма правильных, но так и оставшихся голословными идей. Это свидетельствует, с одной стороны, о поминании российскими лидерами основными аспектов проблемной ситуации в стране, с другой – о их неспособности по тем или иным причинам последовательно реализовать идеологические положения. Более того, ряд практических шагов российской власти шли вразрез с положениями, содержащимися в рассмотренных официальных идеологических документах.

Ссылки:

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2001. 832 с. ; Хагуров А.А., Тхакушинов А.К. Реформа и социокультурная среда. М. ; Краснодар, 1995. 132 с.
2. Ровдо В.В., Чернов В.Ю., Казакевич А.Н. Мировые политические идеологии: классика и современность. Минск, 2007. 272 с.
3. Об укреплении Российского государства (основные направления внутренней и внешней политики) [Электронный ресурс] : Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 февр. 1994 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации) [Электронный ресурс] : Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30 марта 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об укреплении Российского государства ...
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Россия на рубеже эпох ...
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.